

*К.Г.Холодковский,
доктор исторических наук,
Институт мировой экономики
и международных отношений РАН*

Политическое структурирование российского общества: влияние парламентских выборов 1999 г.

На прошлом симпозиуме возник спор между исследователем из ИНИОН РАН А.Н.Куликом и мной о роли и перспективах российских партий. Из совершенно верной констатации, что партии в России слабы, элитарны, не обладают значительной социальной базой и не стали, как на Западе, основным политическим институтом самоорганизации общества, А.Н.Кулик делал, на мой взгляд, неправомерный вывод, что российская партийная система лишь обслуживает собственные интересы и интересы власти, являясь ее второстепенным орудием. По его мнению, партии в России — особенно в условиях определенного кризиса этой политической формы на Западе — не имеют будущего. В этой своей оценке А.Н.Кулик, как известно, не одинок. Ее придерживаются и некоторые, причем весьма авторитетные, зарубежные исследователи.

Отвечая А.Н.Кулику, я ссылаясь на постепенное усиление роли российских партий от выборов к выборам, на зарождение в обществе размытых, противоречивых, но все же реальных идейно-политических тенденций, на которые опираются протопартии, а также на то, что, несмотря на относительное уменьшение роли партий в современном западном обществе, со сцены они отнюдь не уходят.

Понятно, что медленное укрепление российской партийной системы к середине 90-х годов давало некоторые основания для надежд на постепенное приближение нашей политической жизни к западным образцам.

Однако парламентские выборы 1999 г. показали, что обе спорящие стороны были и правы, и неправы. С одной стороны, если бы в России партии были только второстепенной подпоркой режима, не было бы необходимости затевать столь существенную пере-

кройку политического поля, создавать новые квазипартийные образования, с другой — тенденции к постепенному усилению роли партий, которые отмечались мной, были опрокинуты в результате новых парламентских выборов, вектор развития изменился.

Дело не только в том, что снова выросло число независимых (пусть формально) депутатов, что означает непопулярность партийных ярлыков. Самое главное состоит в том, что партии и блоки, выступавшие под определенными идейно-политическими знаменами (КПРФ, ЛДПР, "Яблоко", СПС), в ходе избирательной кампании оказались сильно потеснены образованиями административно-номенклатурными, сугубо непартийными в смысле отсутствия какой-либо материальной общественной "ткани", каких бы то ни было горизонтальных связей (особенно это относится к так называемым "Медведям"), чисто прагматическими по своим установкам, и к тому же "новичками", одно из которых не существовало более года, а другое — более трех месяцев до выборов. Тем не менее они получили почти столько же голосов (около 37%), сколько партии-инкумбенты, прорвавшиеся в Третью Думу (45%). СПС можно считать инкумбентом, поскольку у ДВР, являющегося его костяком, во Второй Думе было небольшое представительство одномандатников. В результате состав Думы обновился на 2/3 (было переизбрано лишь 166 депутатов-инкумбентов), в нее пришло много людей с большими запросами, но без какого бы то ни было парламентского опыта.

Бюрократические образования и прежде присутствовали в Думе. Достаточно напомнить о движении "Наш дом — Россия". Но раньше они занимали сравнительно ограниченное политическое пространство. В 1999 г. впервые административный ресурс оказался сильнее политического.

Это подтверждается резким отличием голосования в Москве, Татарии и Башкирии от голосования в регионах, главы которых симпатизировали "Единству". Восторжествовал своего рода вестфальский принцип. Известно, что в 1648 г., после Тридцатилетней войны, был заключен Вестфальский мир, в результате которого был установлен принцип: "Чья страна, того и вера" (*Cujus regio ejus religio*). Другое дело, что в российском случае сама эта вера регионального начальства, как показали последующие события, оказалась чем-то весьма изменчивым. Но является фактом, что в своем выборе значительная часть населения ориентировалась на симпатии этого начальства. Такого рода голосование может быть названо плебисцитарным.

Россия обогатила политический опыт мира скоростным (практически два месяца) строительством виртуальной структуры, названной "Межрегиональным движением "Единство", которая тем не менее смогла успешно выступить на выборах. В этом смысле она превзошла даже знаменитую партию Сильвио Берлускони "Вперед, Италия!", для которой своеобразной основой или матрицей послужили клубы футбольных болельщиков.

Впрочем, матрица или реальный инструмент строительства у "Единства" все-таки были. Скорее всего, речь может идти даже о двойной матрице. Одна — это структуры МЧС и, возможно, некоторых других силовых органов. Их преимущество, по сравнению, например, с аппаратом представителей президента, в том, что это действительно функционирующие структуры с наработанными связями. Другая — структуры региональной власти, хотя и не везде. За ними стоит не только вся сила, влияние, связи региональных начальников, но и вся сложная система взаимоотношений регионов с центральной властью, исследованная М.Н.Афанасьевым. Эта система и составляет, по-видимому, реальную сетку, потенциально способную структурировать "Единство" не только как парламентскую фракцию, но и как всероссийскую политическую силу. Характерно, что лишь после выборов эта сила смогла провести настоящий съезд и оформиться как общественно-политическое движение, воплощающее собой партию власти.

Не исключено, что оно попытается стать действительной партией¹, и притом доминирующей на политической арене. Однако для этого необходим ряд дополнительных условий — от сравнительно успешного выступления на парламентской сцене (что требует выдвижения кадров, минимально квалифицированных в области законодательной деятельности и публичной политики) до наработки определенного задела принципиальных, стратегических установок, не сводящихся к послушному следованию указаниям президентской администрации.

Исторически существовали разные способы создания партий. Один, наиболее старый, — вокруг популярных лидеров или на базе парламентских фракций, проекцией которых в обществе служили электоральные комитеты. В этом случае речь шла о борьбе вариантов политического курса, приобретающих затем ту или иную идеологическую окраску (например, тори и виги в Англии).

Другой, более поздний, — в качестве представительства больших социальных групп, на базе их наиболее активной части (профсоюзы, предпринимательские организации, аграрии) или массовых движений (зеленые). Представительство определенных интересов здесь обычно с самого начала было сильно окрашено идеологически.

Наконец, в XX в. был опробован и путь создания партии власти (голлисты), в образовании которой, помимо местной бюрократии и нотаблей, большую роль играли идейные сподвижники харизматической личности.

В России ни предприниматели, ни профсоюзы не смогли создать свои партии. "Гражданский союз" А.Вольского и А.Владиславлева, опиравшийся на Российский союз промышленников и предпринимателей, не смог набрать на выборах 1993 г. и 2% голосов,

¹ Как известно, это уже случилось.

а на следующих выборах та же участь постигла и объединение "Профсоюзы и промышленники России — Союз труда". Это лишний раз свидетельствует о качестве этих организаций, реальном их влиянии, особенно в политической сфере.

Не лучшими были и результаты других партий и блоков, представлявших корпоративные интересы. Частичной удачи смогли добиться лишь аграрии, использовавшие клиентельную зависимость жителей деревни. Их наивысший результат — 8% в 1993 г. (и это при том, что сельское население России составляет 27%). Что касается "зеленых", партия "Кедр", выступавшая как экологическая, хотя ее кадры состояли главным образом из представителей Санэпиднадзора, получила в 1995 г. 1,4% голосов, а в 1999 г. вообще не была допущена к выборам.

Несколько большим был успех партий, образованных на базе парламентских фракций и окружения того или иного лидера. Таков был генезис ЛДПР, "Яблока" и других более или менее заметных на политической сцене актеров. Каждое из этих объединений в то же время представляло определенное идеологическое направление или, по крайней мере, идеологический нюанс (например, "Яблоко" — социальный вариант либерализма, в отличие от радикального либерализма ДВР). До 1999 г. могло показаться, что это и есть основной путь формирования российских партий.

Но, похоже, наиболее перспективным способом оказалось все же нечто иное. Этим иным, как показали выборы 1999 г., стало сочетание трех элементов: популярного или (благодаря точно уловленному политтехнологами общественному настроению) имеющего хорошую заявку на популярность лидера, использования государственного финансового и информационного ресурса (прежде всего телевидения) и структурной основы в виде региональной власти и ее клиентелы. Лидер с помощью тех же политтехнологов создает смысловой образ (например, раскручивается телевидением, а региональная власть предоставляет административный ресурс).

Активнейшее вторжение региональных властей в организацию и проведение общефедеральных выборов, образование губернаторских блоков и объединений (или административно-политических образований, по терминологии В.Б.Пастухова) — проявление консолидации региональной элиты и поисков ею оптимальной (с ее точки зрения) формулы взаимоотношений с центром. Относительная неудача НДР в 1995 г. во многом объяснялась тем, что эта консолидация тогда еще не совершилась и губернаторов гораздо больше интересовали выборы региональной исполнительной и законодательной власти.

Становление региональной власти прошло несколько этапов. Первый из них занял первую половину 90-х годов. Его содержанием было ослабление центра и его маневрирование ("Берите столько

власти, сколько можете переварить", Федеральный договор, соглашения о разделе полномочий и т.д.).

Второй этап ознаменовался осуществлением конституционного принципа выборности губернаторов (1996-1997 гг.) и консолидацией местных элит вокруг них. Те из действующих глав регионов, которые не смогли добиться такой консолидации, проваливались на выборах. Децентрализация власти была закреплена реально (вспомним поражение центра после неоднократных попыток сместить губернатора Приморья Наздратенко), но эта децентрализация остановилась на уровне регионов. Если не считать мэров отдельных крупных региональных центров, никакой реальной местной власти на более низком, чем губернский, уровне не существует. Это дало главам регионов уникальные возможности для авторитарной организации властных отношений в "своем" домене.

Третьим этапом можно считать установление плотного контроля регионального начальства над местными средствами массовой информации и настойчивые попытки прямо или косвенно поставить под такой же контроль местную экономику. Такие попытки начались уже давно, но приобрели особую целеустремленность во второй половине 90-х годов (ЗИЛ и АЗЛК в Москве, КамАЗ в Татарии, Кузнецкий металлургический комбинат в Кемеровской и "Рыбинские моторы" в Ярославской области, и т.д.). Методы при этом могли быть различны (принятие долгов предприятия на баланс региона, приобретение им контрольного или блокирующего пакета акций, избрание "своего" человека генеральным директором акционерного общества, банкротство, открывающее путь для назначения зависимо от губернатора временного управляющего и т.д.). При всем различии местных казусов, тенденция одна и та же.

Наконец, на современном, пока что последнем этапе, полномочные хозяева регионов создают "губернаторские блоки", задающиеся целью контролировать и центральную законодательную власть. Это пока высшее проявление их претензий на расширение своих полномочий. Они бросают на чашу весов все свои возможности — контроль за окружными избирательными комиссиями, финансовую и агитационную поддержку нужных кандидатов, корректировку в случае необходимости электоральных результатов, наконец, просто максимальное использование в нужном направлении того еще сохраняющегося у местной власти (в отличие от центральной) запаса доверия, который обнаруживают все социологические опросы.

Однако выборы 1999 г. — не просто активное вторжение региональных властей в партийно-политическую жизнь. Один губернаторский блок (ОВР) потерпел на этих выборах серьезное поражение от другого ("Единства"). Регионы самодостаточные, регионы-доноры, составлявшие ядро первого блока, проиграли. Одержал верх блок, состоящий из дотационников и вообще зависимых от центра глав регионов. Это уже нечто иное, чем дальнейшее усиление де-

централизации. Выборы 1999 г. — этап в поисках формулы взаимодействия центра и регионов. Псевдопартии, каковыми являются, во всяком случае пока, губернаторские блоки — еще один важный канал такого взаимодействия. Расклад, сложившийся в результате выборов, показывает, что в искомую формулу не входит дальнейшее ослабление центра. Напротив, Центр, используя объективную зависимость от него многих регионов, может попытаться опереться на новые политические структуры, чтобы укрепить свою власть.

На Западе партии обретают общенациональное значение, укореняясь в гражданском обществе. В России, где такое общество еще только зарождается и не смогло пока стать сколько-нибудь прочной основой для общенациональных партий, партия власти "заглубляется" в общественной ткани, обретает общенациональный "объем", используя ресурс региональных властных структур. Будущее покажет, консолидируется ли такого рода политический артефакт в качестве настоящей партии, станет ли он важным каналом взаимодействия государства и общества или, по крайней мере, центральной и региональной власти.

В аналитических оценках электоральных итогов 1999 г. почти всегда на первый план выходит мощь избирательных технологий. Нередко создается впечатление о всесиили этих технологий, которые якобы в состоянии как угодно манипулировать поведением избирателей.

Разумеется, широкое и беззастенчивое применение изоциренных политических технологий было важной особенностью выборов 1999 г. Но столь же несомненно, что никакие технологии не смогли бы сработать на пустом месте, без тщательного учета и тонкого понимания общественных настроений, правильной оценки их возможной динамики и заложенного в этом политического потенциала.

Похоже, что именно в этих настроениях надо искать ключ к разгадке.

Много было сказано об опасениях верхушки федеральной бюрократии и приближенных к центральной администрации финансовых групп, не желавших утраты своего положения и по этой причине заинтересованных в закреплении статус-кво, в стабилизации и преемственности власти, в приходе на высший пост фигуры, которая могла бы гарантировать правящим кругам, что никаких потрясений и попыток радикально изменить сложившуюся конфигурацию сил не произойдет. Но консервативные и стабилизационные устремления не были чужды не только цеплявшейся за власть "кремлевской команде", но и региональной элите, и даже тем элитным кругам, которые надеялись, что приход нового лидера создаст благоприятные условия для некоторой перегруппировки сил, для приобщения новых лиц и групп к власти. Все представители элиты были заинтересованы в предсказуемости правительственного курса, прекращении колебаний и шараханий, в укреплении силовых и правоохранительных структур.

Чисто корпоративные интересы сочетались здесь с озабоченностью более глубинного порядка: осознанием необходимости выработки определенных правил игры, равных для всех и имеющих универсальное значение. Известно, какую роль в установлении и поддержании такого рода правил играет во всех странах государство. Другой вопрос, во всех ли случаях осознание необходимости таких правил сочетается с готовностью неуклонно следовать им на практике. Но важно, что в элитных кругах проявилась усталость от неопределенности, хаоса, тяга к упорядочению, к институционализации политического и социального поля.

Важно и то, что в чем-то эти настроения совпали с настроениями общества, в том числе и его низов.

Усталость от беспорядка, социальной и национальной ущемленности, от постоянного напряжения, вызванного адаптационными усилиями, актуализировала патерналистские комплексы, и без того присутствующие российской политической культуре, стимулировала поиск силы, могущей послужить олицетворением способности государства не только обеспечить стабильность и безопасность, но и подать надежду на обновление и выход из кризиса. Такое обновление без потрясений, возрождающее утраченное достоинство государства и нации, и было предложено обществу в лице нового для него представителя власти, имеющего имидж решительного, энергичного, молодого, порядочного, искренне озабоченного процветанием и величием страны.

Сам факт высоких ожиданий, связанных с новым ликом власти, не содержит ничего удивительного, тем более в столь неординарных условиях. Аномален и тревожен лишь стремительный и безудержный рост рейтинга, показывающий, что эти ожидания уже перешли в мифологическую плоскость.

Настораживает и другое обстоятельство. В состав психологического комплекса, связанного с готовностью общественного мнения возложить на официального преемника Б.Н.Ельцина надежды на восстановление порядка и безопасности, явно в качестве компенсаторного элемента входит *образ врага*. На деле даже двух врагов: один — это Чечня или, если угодно, чеченские террористы, сепаратисты, бандиты, другой — пока, может быть, еще не враг, но, во всяком случае, противник — это Запад, руководящие круги ведущих стран мира, и прежде всего США.

Первые партии (или, вернее, протопартии) возникли у нас на рубеже 80-х и 90-х годов как идеологические образования. Это вполне понятно: политический плюрализм зарождался на основе отталкивания от коммунистического идейного монополизма, противопоставления ему демократических ценностей. Со временем демократический импульс в годы, находившиеся на рубеже, ослабел, а отчетливой дифференциации интересов больших социальных групп, что могло бы стать прочной основой политического плюрализма, не произошло. Лишь благодаря сравнительно небольшой

части избирателей их политические симпатии оказались осознаны в отчетливых идейно-политических терминах. У остальных идеологические упражнения партий стали вызывать неприятие и раздражение. В обстановке видимого безразличия большинства населения к идеологиям и широковещательным политическим программам повысился спрос на прагматизм, центризм и тому подобные деидеологизированные политические позиции.

"Единство" возникало как образование, не просто нацеленное на исключительно прагматические задачи, но принципиально лишённое каких бы то ни было идеологических и программных ориентиров. Это несомненно помогло ему завоевать голоса не приемлющего идеологических тонкостей "болота", якобы ориентирующегося не на слова, а на дела. Однако это совершенно не означает, что "Единство" и его электорат чисты в идеологическом отношении. Как известно, прагматизм и центризм в политике могут скрывать самые различные предпочтения, исключая разве радикальные.

Подавляющее большинство избирателей, разумеется, не читало опубликованной в Интернете программной статьи ВЛутина. Но ее пафос (крепкое государство — "источник и гарант порядка, инициатор и главная движущая сила любых перемен"), провозглашенные в ней ценности (патриотизм, державность, государственничество, социальная солидарность), несомненно, созвучны их настроениям.

Таким образом, то, что протопартии, стоящие на определенной идеологической платформе, более или менее маргинализированы в результате выборов 1999 г., еще не означает, что в сфере политического структурирования теперь будут обходиться без идеологии. Прагматизм правительственной партии и ее неофициального лидера относится, скорее всего, к *стилю поведения*, нежели к содержанию политики. Правда, идеология на этом этапе стала привилегией лидера, через голову "своей" партии обращающегося к избирателям, и не столько на языке идей, сколько на языке образов. Имидж борца за окончательное решение чеченского вопроса и стойкого защитника национальных интересов, не склоняющего головы перед давлением Запада, несомненно способствует такого рода прямому диалогу с соответствующими группами избирателей.

На рубеже тысячелетий в России одновременно складываются две еще пока не прочные, но достаточно важные конфигурации: своего рода пакт федеральной и региональной элит (без участия масс), получивший новое подкрепление в результате соглашения "Единства" с КПРФ о дележе постов в Думе, и прямая, плебисцитарного типа связь главы государства с избирателями, характерная для власти бонапартистского типа. Консолидация элит через власть как техническое орудие дополняется легитимацией этой власти через плебисцитарные механизмы. Надежды на обновленную власть уже вызвали неожиданный резкий рост общественного оптимизма. Такого рода конфигурация серьезно затрудняет партийное

структурирование общества в современном духе. Партии как автономный политический субъект подменяются чисто вспомогательными политическими орудиями исполнительной власти. Еще одним препятствием на пути формирования настоящих партий может послужить возможное изменение избирательной системы (лоббируемое видными представителями администрации ограничение или отмена голосования по партийным спискам). Остается надеяться, что центральная власть наконец осознает, что объективно она не заинтересована в таком изменении, так как потеряет в этом случае важный противовес влиянию региональной бюрократии на исход выборов.

Продвижение вперед процесса структурирования элиты пошло за счет усугубления аморфности остального общества. На данный момент, однако, неясно, будет ли этого достаточно, чтобы в долговременном плане разрешить все сложные задачи, которые встанут перед государством как во внутриэлитных отношениях, так и в отношениях между элитами и обществом. Если выяснится, скажем, что нынешний расклад сил не может обеспечить устойчивости, последовательности, эффективности правительственного курса, а высокие ожидания населения обернутся быстрым разочарованием, партийная политика может вновь встать в повестку дня. Пока же, не успев стать центральным полем российской политики, она оттесняется исполнительной властью на еще более далекую периферию.